

РУКОВОДСТВО

Д Л Я

СЕЛЯНСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на~~~~~ Подписка принимается въ
мѣсть четыре руб., съ пере- № 25. редакціи сего журнала, при
сылкою пять р. с.~~~~~ кievской семинаріи.

1870 года. Іюня 21-го.

Содержаніе: Поученія по случаю выгона домашняго сельскаго скота послѣ зимы на пастбище. — Первые шага на пастырскомъ служеніи. — Древне-христіанскій религіозный символизмъ. — Воскреснія бесѣды. — Библиографія.

ПОУЧЕНІЯ ПО СЛУЧАЮ ВЫГОНА ДОМАШНЯГО СЕЛЬСКАГО СКОТА ПОСЛѣ ЗИМЫ НА ПАСТБИЩЕ.

Ш').

Продолжимъ, братіе мои, рѣчь нашу, на которой остановились мы въ прошлое воскресенье. Я сказалъ тогда, что домашній нашъ скотъ и въ полѣ не такъ воленъ, какъ дикія животныя, потому что мы пригоняемъ его домой на ночь для охраны его отъ звѣря и для своихъ пользъ и нуждъ, — что для этихъ же самыхъ пользъ и нуждъ, а подчасъ и для прихотей нашихъ беремъ его изъ стада и днемъ, и что въ самыхъ поляхъ и лугахъ нашихъ мы зачастую до крайности стѣсняемъ его. Такъ ли это бываетъ? Именно такъ.

Каждый вечеръ пастухи наши гонятъ стадо въ село, и мы-каждый для своего скота-отворяемъ ворота и заго-

') См. №№ 17 и 20.

няемъ его на ночь по дворамъ. Что это—стѣсненіе скоту, или нѣтъ? Нельзя назвать волей, если вспомнимъ жизнь дикихъ животныхъ, про которыхъ мы прошлый разъ говорили; но эта неволя необходима для пользы самаго же скота нашего,—для его защиты и охраны

Нѣкогда и эти животныя, что теперь домашній нашъ скотъ, точно такъ же, какъ и тѣ, что живутъ въ лѣсахъ, на поляхъ и въ другихъ мѣстахъ, не требовали отъ человѣка защиты себѣ. Тогда вся живая тварь земная не нуждалась ни въ чьей помощи и ни въ какой защитѣ, потому что не отъ кого было защищаться,—не было на землѣ ни вражды, ни враговъ. Это было въ то блаженное время, когда человѣкъ не согрѣшилъ еще передъ своимъ Создателемъ и грѣхомъ своимъ не вносилъ еще вражды и насилія на землю. Земля была тогда какъ бы обширный, благодатный домъ Божій. Полновластнымъ домоправителемъ на ней былъ человѣкъ, коему Господь *вся покорилъ подъ нозы его: овцы и воли вся, еще же и скоты польскія, птицы небесныя, и рыбы морскія, проходящія стези морскія* (Ис. 8, 7—9). Все тогда было покорно волѣ человѣка, поелику самъ человѣкъ покоренъ былъ волѣ Божіей. Все шло чинно и мирно на землѣ, поелику человѣкъ, котораго Творецъ *умалилъ малымъ чимъ отъ ангель, славою и честію отнчалъ* (ст. 6), хранилъ свою славу, берегъ свою честь въ покорности Богу. Тогда и животныя, какія населяютъ землю, не дѣлились, какъ теперь, на домашнихъ и домашнихъ,—но всѣ были для человѣка домашними. Всѣ они жили въ полномъ послушаніи человѣку и въ полномъ мирѣ и согласіи между собою,—не терзали другъ друга, всѣ питались только травою, которую Богъ назначилъ въ пищу *всѣмъ звѣремъ земнымъ* (Быт. 1, 30). Но какъ скоро человѣкъ—этотъ господинъ надъ прочими тварями земными—вышелъ изъ послушанія Господу Богу своему,

преступилъ заповѣдь Его, согрѣшилъ передъ Нимъ; тотъ часъ все, что было подчинено ему, возстало противъ него: всѣ твари земныя вышли изъ-подъ его воли, стали во вражду къ нему и въ вражду между собою. Животныя, которыя до этого безъ принужденія оказывали ему полное послушаніе, теперь перестали повиноваться ему, стали вредить его здоровью и самой жизни, и между собою начали враждовать и стали пожирать другъ друга.

Давняя это исторія, други мои; но ея во вѣкъ не забудетъ память человѣческая. Объ ней напоминаетъ намъ каждый шагъ трудовой жизни нашей, каждый скудный нашъ кусокъ хлѣба. Объ ней говорятъ намъ наши мозоли, наши стоны въ болѣзняхъ, — всѣ наши бѣдствія и страданія настоящей жизни. А что скажутъ о ней муки будущей жизни тѣмъ, кто эту же самую исторію повторяетъ въ собственной жизни, т. е. кто не исполняетъ заповѣдей Божіихъ, грѣшитъ передъ Господомъ Богомъ и не кается?!... О Господи, не отнимай у насъ памяти объ этой исторіи; но не попускай, чтобы мы повторяли ее въ нашей жизни, въ нашихъ дѣлахъ!

Богъ вѣсть, чѣмъ бы кончилась эта исторія для человѣка, если бы онъ не созналъ своего преступленія и не сталъ оплакивать своего грѣха. Къ счастью человѣчества, первый грѣшникъ изъ людей былъ кающійся грѣшникъ. А потому Господь и послѣ грѣха предоставилъ ему нѣкоторую власть надъ землею и надъ тварями земными. Но эта новая власть уже не такова, какъ прежде; ибо она не есть полное обладаніе всѣми тварями. Эта власть уже и не въ такомъ родѣ, какъ прежняя; ибо твари покорны теперь стали человѣку не по волѣ, но по неволѣ. Теперь Господь вселилъ въ нихъ страхъ къ человѣку. *Страхъ и трепетъ вамъ будетъ на всѣхъ звѣрѣхъ земныхъ и на всѣхъ скотѣхъ земныхъ* (Быт. 9, 2), сказалъ Господь послѣ по-

топа въ благословеніе семейству праведнаго Ноя. И человекъ силою и принужденіемъ—а можно сказать *насиліемъ*—покорилъ себѣ немногихъ животныхъ, какія оказались болѣе податливыми и болѣе пригодными для нелегкой его жизни и тяжелыхъ трудовъ. Они-то и стали такимъ способомъ нашими домашними животными, —нашимъ домашнимъ скотомъ. За то другія, которыя не поддаются силѣ человеческой и у которыхъ скорѣе открылись и легче развились кровожадныя побужденія, тѣмъ болѣе вооружились противъ нашего домашняго скота и тѣмъ съ большею кровожадностію нападаютъ на него, какъ на самую легкую добычу свою. По своему положенію скотъ нашъ безопасно и шагу не можетъ сдѣлать безъ нашей охраны и безъ нашего надзора за нимъ, будетъ ли то въ полѣ, или въ лѣсу, будетъ ли то днемъ, или вечеромъ. А о ночи и говорить нечего. Наши домашнія животныя не знаютъ и не умѣютъ находить себѣ безопасныхъ и уютныхъ мѣстъ для ночлега, въ чемъ такъ искусны дикія братья ихъ. Не имѣютъ они той прыти, той чуткости и зоркости, той силы и ловкости,—словомъ, ничего почти того, чѣмъ дикія спасаются отъ своихъ враговъ. Имъ невѣдомо искусство, съ какимъ тѣ употребляютъ природныя свои орудія защиты: зубы, рога, копыта и проч. Да у нашихъ животныхъ и орудія эти приглушены и не таковы, какъ у дикихъ. Для тѣхъ ночь—просторъ, а наши боятся темноты ночной. Лишь только день станетъ склоняться къ вечеру, нашъ скотъ самъ собою тянется уже къ селу. Даже та наша скотина, какую мы водимъ на нашу ночью, —и эта всегда ближе держится гуреня ночлежниковъ. Не самъ по себѣ боязливъ и такъ слабъ противъ звѣря нашъ скотъ; но отъ лежащей на немъ тяжести руки человеческой,—отъ того, что мы, какъ говорятъ люди книжные, хорошо приручили—а просто бы сказать и больше было бы правды: тяжко *примучили*—его.

Вѣдь есть же, и много есть между дикими животными та-кихъ, которыя не въ примѣръ слабѣе и трусливѣе нашихъ; и однакожь они не нуждаются въ защитѣ человѣческой, а сами съ удивительною ловкостью избѣгаютъ грозящей имъ опасности какъ днемъ, такъ и ночью. Путешественники рассказываютъ, что и наши домашнія животныя, оставленныя человѣкомъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ много земли, а мало людей, цѣлыми стадами, подъ именемъ *одичалыхъ*, живутъ и влodyтcя точно такъ же, какъ дикія и точно такъ же, какъ и тѣ, владычествуютъ искусствомъ отбиваться отъ хищныхъ звѣрей. Въ маломъ видѣ примѣръ этому бываетъ и на нашихъ глазахъ, какъ иная скотина, отбившись почему либо отъ рукъ нашихъ и выплотившись въ лѣсу, или въ полѣ, становится недоступною ни для человѣка, ни для звѣря. Значить, скотъ нашъ не самъ по себѣ, но черезъ человѣка, такъ боязливъ и такъ слабъ передъ звѣремъ.

Итакъ, не волю даемъ мы скоту нашему, когда пригоняемъ его домой на ночь; но эта неволя его обязываетъ насъ всѣми мѣрами и всегда, особенно ночью, когда онъ подвергается большой опасности, оберегать его. Если грѣхъ человѣка поработилъ эту, ни въ чемъ неповинную, тварь Божию; то грѣхъ человѣку не беречь ее. И передъ Богомъ, и передъ совѣстью своею, и передъ скотомъ своимъ согрѣшаютъ тѣ изъ насъ, кто въ урочное время не загоняетъ его по дворамъ. Вмѣсто тучныхъ полей, зеленыхъ луговъ и тѣнистыхъ лѣсовъ, какіе есть на землѣ—этомъ просторномъ и свѣтломъ дворѣ Божіемъ, гдѣ свободно гуляютъ живыя твари Божія, скотъ свой ты принудилъ и принуждаешь жить въ твоёмъ тѣсномъ и мрачномъ дворикѣ. Итакъ, не грѣхъ ли тебѣ, когда ты не сиѣшишь пріютить его и въ этомъ тѣсномъ мѣстѣ заключенія его,—не заботишься согрѣть его и осушить, если онъ промокъ и прозябъ въ полѣ отъ непогоды, накормить, если тамъ онъ день проходитъ голод-

нымъ? Ты лишилъ его искусства и умѣнья защищаться; не ужели же совѣсть твоя промолчитъ, если ты, по нерадѣнію своему, оставишь его на вѣрную добычу хищнымъ звѣрямъ? Да, братіе, поработивъ себѣ домашнихъ животныхъ такъ, какъ это есть теперь, мы тѣмъ самымъ сняли, такъ сказать, съ Бога и приняли на себя заботу и попеченіе о нихъ; и всякое наше нерадѣніе объ охранѣ ихъ не пройдетъ намъ даромъ. Нѣмая и безсловесная тварь Божія умѣетъ вопіять къ праведному Богу объ отмщеніи!

Заботъ и попеченій о скотѣ нашемъ, когда онъ ходитъ въ полѣ, требуютъ отъ насъ тѣ нужды наши, какимъ удовлетворяетъ онъ, и та польза, какую мы имѣемъ отъ него и въ то время, когда содержимъ его на подножномъ корму. Не каждая скотина удовлетворяетъ всеѣмъ нуждамъ нашимъ; но одна-одной, другая-другой. Не отъ каждой имѣемъ мы одинаковую пользу и каждый день: одна доставляетъ намъ пользу и сегодня, и завтра—каждый Божій день,—другая черезъ нѣсколько времени, а иная—послѣ довольнаго времени. Настоятельны и разнообразны наши нужды въ скотѣ; и къ нимъ мы приспособляемъ разнородный нашъ скотъ. Но польза намъ есть непремѣнно отъ всего скота нашего; безъ пользы для чего стали бы мы и держать его! Пользу эту мы нещтываемъ самымъ дѣломъ, и такъ хорошо ее знаемъ, что объ этомъ нечего много и говорить. Все, сюда относящееся, извѣстно не только намъ, но и малымъ дѣтямъ нашимъ. Расплакалось дитя, потому что крѣпко ѣсть хочетъ. «Не плачь, дитяtko, говоритъ ему мать, погоди, вотъ придетъ коровка съ поля, принесетъ молочка». И малютка утѣшается ожиданіемъ, съ наслажденіемъ повторяя послѣднія слова матери. Приѣлась семьѣ пища ни съ чѣмъ,—захотѣлось и природой потребовалось мяснаго. «Погодите, дѣти, говоритъ отецъ, вотъ къ воскресенью заколемъ поросенка, а къ праздничку забьемъ кабанчика, и—пойдимъ». И семья

остается въ приятномъ ожиданіи. »А вотъ этого барашка не тронемъ до осени, рассказываетъ онъ же, —осенью зарѣжемъ его, мясо съѣдимъ, а съ овчинки будетъ тулупчикъ«. И тулупчикъ съ радостію ожидается. »Эту телку оставимъ для приплода, а вотъ эту яловку и этого бычка продадимъ на убой, —заплатимъ подати и купимъ себѣ что нужно«. И рѣчь эта слушается съ удовольствіемъ. »Для чего это, мама, задержали нынче овецъ дома?« спрашиваютъ дѣти. »А нынче, дѣти, *стрижка*; пострижемъ овечекъ, наткнемъ сукина, и у насъ будетъ одежинка«. И ожидаемая одежинка дѣйствительно бываетъ. »Завтра рабочаго скота въ поле не пускать; надо ѣхать на работу, на ярморку«, даетъ приказъ хозяинъ. И приказъ съ покорностію исполняется. »А вѣдь завтра у сосѣдей нашихъ храмовой праздникъ, обращается мужъ къ женѣ, надо поѣхать, —вели задержать лошадей«. И наутро поѣздъ съ охотою снаряжается. А бываетъ, что и днемъ отгрывается нужда въ скотѣ. Случился извозъ, или другая непредвидѣнная работа. »Бѣгите-ка за лошадьми«, слѣдуетъ распоряженіе хозяина. Бываетъ и такъ, что на этого же самого хозяина нападаетъ блажь, —захотѣлось размыкать горе, разогнать тоску. »Сбѣгай-ка въ поле за лошадью, говоритъ онъ сыну; надо поѣхать туда-то по дѣлу«, и подъ видомъ дѣла ѣдетъ въ гости. Въ такихъ и подобныхъ имъ ежедневныхъ и ежеминутныхъ почти вопросахъ и отвѣтахъ, соображеніяхъ и рѣшеніяхъ, желаніяхъ и ожиданіяхъ выражаются всѣ наши нужды въ скотѣ, всѣ наши пользы отъ него; и мы всѣ, отъ мала до велика, очень хорошо знаемъ ихъ.

Чтожь, други мои, грѣхъ что ли находить въ домашнемъ скотѣ нашемъ удовлетвореніе своимъ нуждамъ и имѣть отъ него свои пользы? Нѣтъ; не грѣхъ. Кто говоритъ грѣхъ? Не грѣхъ кормиться и кормить дѣтей молокомъ дойной скотины. Но грѣхъ, если доильница не чисто

ходить подлѣ этой скотины, если бьетъ и мучить ее, чтобы смирно стояла тогда, когда отъ собственнаго же ея неразумнаго насилія и нечистоплотности у бѣднаго животнаго потрескались соски, молоко перемѣшивается съ кровію, и животное отъ боли не можетъ стоять. Грѣхъ, если хозяйка, желая прибыли молока, не прикармливаетъ и не припайваетъ своей скотины дома, когда она придетъ съ поля, можетъ быть голодною. Не грѣхъ колотъ и рѣзать домашнихъ животныхъ въ пищу себѣ, или продавать на убой,—это, какъ увидимъ послѣ, разрѣшено Господомъ Богомъ; но грѣхъ, если это животное не кормится такъ, чтобы было по крайней мѣрѣ здорово,—если оно содержится такъ, что еле ноги таскаетъ, и обрекается на пищу себѣ, или же на продажу въ пищу другимъ тогда, когда уже издыхаетъ. Не скажете ли, что этого у насъ не бываетъ? О, далъ бы Богъ, чтобы этого не было не только у насъ, но и нигдѣ! Но точно ли не бываетъ? Объ этомъ лучше послушать у тѣхъ, что покупаютъ нашу скотину и продаютъ ее уже битую, а можно и у тѣхъ, что ѣдятъ мясо нашей скотины. Не грѣхъ оставлять приплодъ, но грѣхъ жалѣть для этого приплода молока собственной его матери и другаго корму,—грѣхъ, по нерадѣнію и небрежности о приплодѣ—да и по неумѣнью тожъ, если оно отъ насъ зависитъ—расположить слабосильную и хилую скотину, которая впоследствии становится не въ помощь, а въ тягость намъ. Не грѣхъ стричь овецъ и имѣть отъ животныхъ одежду; но грѣхъ содержать этихъ бѣдныхъ животныхъ такъ, что на нихъ и шерсть не держится. Не грѣхъ работать скотомъ и зарабатывать. Но грѣхъ, если скотъ нашъ въ работѣ не кормится и не присматривается больше, чѣмъ когда онъ не въ работѣ. Мы сами знаемъ и сами говоримъ, что скотинѣ работа наша нестрашна; страшнѣе ей голодъ и недосмотръ нашъ; особенно страшны ей не сильныя тяжести и наше безобразіе. Не такъ бѣдствуетъ рабочий нашъ

скоть тогда, когда, къ счастію его, мы вынуждены бываемъ дѣлить работу съ нимъ пополамъ, а иногда принимать большую долю на себя, какъ бываетъ, на примѣръ, во время пахатбы и жатвы, во время посѣвовъ и покосовъ. Здѣсь сами мы нуждаемся въ отдыхѣ, и нашимъ отдыхомъ пользуется работающій съ нами скоть. Но бѣда ему въ тѣхъ работахъ, гдѣ на долю нашу приходится только наложить возъ, да сверху сѣсть самимъ. Тутъ держися бѣдная скотина, — вытягивай всѣ жилы свои, а пици и отдыха, сколько нужно въ тяжелой работѣ твоей, не проси. Что же это — не грѣхъ?!.. А это какой вопіющій грѣхъ, когда мы, напр., распродавши на ярмаркѣ что нужно, зайдемъ въ кабакъ, или завернемъ по дорогѣ къ пріятелю, а бѣдная скотина въ упряжи, на припекѣ, или подъ непогодою, измогаетъ отъ голода и жажды?! Или когда хозяинъ, напившись до безобразія, хочетъ, чтобы жаждущее капли воды животное летѣло такъ же скоро, какъ летаетъ въ его хмѣльной головѣ глупое его воображеніе, — держать его не по дорогѣ, или пускается съ себѣ подобными въ перегонку?! Хорошо еще, если эти и подобныя безобразія обанчиваютъ тѣмъ, что отягощенная винными парами голова склоняется, руки и ноги, а затѣмъ и сквернословящій языкъ отнимаются, — пресытившійся человѣкъ зря падаетъ въ телегѣ, а голодная, жаждущая и измученная скотина тихими, но безопасными шагами привозитъ этотъ трупъ, а не человѣка, во всемъ его безобразіи домой; а то бываетъ и хуже того. Кто тутъ кого лучше? Не ужели скажете, что человѣкъ? А вы не скажете, други мои, что этого не бываетъ! Какой срамъ и какой грѣхъ! Не грѣхъ ѣздить и на храмъ; но грѣхъ ѣздить не въ храмъ, а прямо за столъ. Не грѣхъ ѣздить и за столъ; но грѣхъ ѣхать туда только для того, чтобы наѣсться до объядѣнія и напиться до безчувствія. Посѣщеніе храмовъ, гдѣ престольный праздникъ, дѣло богоугодное; оно

поддерживаетъ христіанское общеніе между нами. И посѣщеніе близкихъ и ближнихъ нашихъ дѣло безгрѣшное; оно поддерживаетъ родственныя и человѣческія связи между нами. Но ни то, ни другое не будетъ добродѣтелью, если мы, сами сытые, скотину нашу держимъ въ голодѣ и въ стѣсненіи. И то и другое станетъ грѣхомъ, если мы съ храмоваго праздника будемъ возвращаться такимъ же способомъ, какимъ возвращаемся иногда съ ярмарки. Что наконецъ сказать о поѣздкѣ въ гости, просто потому, что захотѣлось человѣку? О это самая опасная и самая скользкая дорога! На ней легче всего возможны не только всѣ тѣ безобразія, какія встрѣчаются на дорогамъ съ ярмарки и съ храмовыхъ праздниковъ, но и гораздо худшія. И по этой дорогѣ во время ѣздить не грѣхъ; но нужна большая осторожность и чрезвычайная осмотрительность, чтобы съ ней глубоко не впасть въ грѣхъ.

Но довольно; до слѣдующаго разу! А съ этого разу всегда будемъ, возлюбленные мои, заботиться и имѣть попеченіе о нашемъ, никогда—даже и въ полѣ—невольномъ скотѣ такъ, чтобы намъ за него не было грѣха. И милосердый Господь благословитъ насъ хорошимъ скотомъ, благословитъ наши съ нимъ труды, наши занятія, благословитъ нашу жизнь. Аминь.

ПЕРВЫЕ ШАГИ НА ПАСТЫРСКОМЪ СЛУЖЕНІИ.

»Что первѣе всего нужно дѣлать намъ, поступивши на приходъ?« нерѣдко спрашиваютъ новопоставленные молодые іереи.—Короткій, но многообъемлющій вопросъ. Постараемся отвѣтить на него по возможности также коротко.

1. Новопоставленный пастырь долженъ твердо помнить и ни на минуту не выпускать изъ виду, что при поступ-

леніи его на приходъ глаза всѣхъ устремлены на него и что весьма много значить, если прихожане тотчасъ же составятъ о немъ высокое мнѣніе. Пусть же, поэтому, позаботится онъ о томъ, чтобы явиться среди прихожанъ съ полнымъ достоинствомъ, съ кротостію, съ добротою и доступностію и чтобы прихожане увидѣли въ немъ человѣка, которому они смѣло могутъ довѣриться во всѣхъ важнѣйшихъ своихъ дѣлахъ.

2. Первое служеніе и проповѣдь новаго пастыря ожидается съ особеннымъ нетерпѣніемъ и внимательно выслушивается. И служеніе, и проповѣдь могутъ привлечь къ нему уваженіе, довѣріе и любовь. — Пусть же онъ внимательно готовится и къ служенію и къ проповѣди. Полезно будетъ, если онъ, взявши въ основаніе проповѣди слова Господа: *Азъ есмь пастырь добрый* (Іоан. 10, 11), выяснитъ взаимныя отношенія, какія должны существовать между священникомъ и прихожанами. Пусть онъ коротко и ясно изложитъ свои собственныя пастырскія обязанности и постарается убѣдить прихожанъ въ томъ, какъ исполненіе этихъ обязанностей спасительно для нихъ, а для него тяжело и трудно. Въ этомъ пусть онъ присовокупитъ, что, не взирая на такую тяжесть и трудность, въ увѣренности на помощь Божію и въ надеждѣ, что они облегчатъ ему тяжесть предстоящаго ему труда, онъ будетъ трудиться изо всѣхъ своихъ силъ. Излагая же обязанности прихожанъ къ пастырю, пусть покажетъ, какъ отъ исполненія этихъ обязанностей зависитъ ихъ спасеніе и выскажетъ свою увѣренность, что прихожане не будутъ пренебрегать исполненіемъ ихъ. Пусть замѣтитъ, какъ пріятно Богу, спасительно и полезно для пастыря и пасомыхъ взаимное исполненіе обязанностей. Пусть присовокупитъ къ этому, что всѣ его усилія будутъ устремлены на это, и что онъ собственно ради этого и принялъ на себя пастырское служеніе. Пусть

поручить себя молитвѣ всѣхъ, и съ своей стороны дать обѣщаніе, что искренно и усердно будетъ молиться за паству свою, и что онъ готовъ служить всѣмъ и каждому, днемъ и ночью, не смотря ни на какія затрудненія и даже съ пожертвованіемъ собственной жизни. Въ заключеніе да обратится съ молитвою къ Богу, Пресвятой Богородицѣ и Святому, въ честь и славу коего посвященъ приходскій храмъ, въ отеческой заботливости и горячей ревности повторяя слова вѣчнаго, добраго Пастыря: *Отче святыи! соблуди ихъ въ имя твое, тѣхъ, которыхъ Ты мнѣ далъ... не молю, чтобы Ты взялъ ихъ изъ міра, но чтобы сохранилъ ихъ отъ зла... освяти ихъ истиною Твоею.. молю за тѣхъ, которыхъ Ты далъ мнѣ, потому что они Твои* (Іоан. 17 гл.).

3. Пастырь долженъ знать свое стадо. *Я знаю моихъ овецъ*, говоритъ о Себѣ добрый Пастырь. Безъ точнаго знанія паствы не можетъ быть и пасенія ея. Одному полезно одно, другому—другое и всѣмъ не всегда одно и то же. Не всѣмъ полезно одно и то же—наставленіе, говоритъ св. Григорій В., ибо часто одно вредитъ однимъ, будучи полезно другимъ. Сколько травъ, которыя, питая однихъ животныхъ, умерщвляютъ другихъ. И лѣкарство, у одного ослабляетъ болѣзнь, и связываетъ силы другаго. И хлѣбъ, укрѣпляя жизнь взрослыхъ, вредитъ маленькимъ дѣтямъ. Поэтому слова учителей должны сообразоваться съ свойствами слушающихъ, чтобы быть полезнымъ и каждому въ частности, и не уклоняться отъ общаго всѣмъ назиданія. Пастырю необходимо знаніе своей паствы и ради примѣра, какой онъ долженъ подавать ей. Каждому онъ долженъ подать соотвѣтствующій примѣръ. Нерѣдко то самое можетъ соблазнять слабыхъ, что назидаетъ твердыхъ въ вѣрѣ и ученіи; нерѣдко то самое можетъ оттолкнуть невѣжествующихъ, что привлекаетъ знающихъ. Особенно совершеніе та-

инствъ и преимущественно св. евхаристіи, требуетъ точнаго знанія паствы, чтобы не подать хлѣба псамъ и не повергнуть бисера предъ свиньями, чтобы не послужило къ осужденію то самое, что должно служить къ спасенію. И въ отноше- нии къ молитвѣ онъ долженъ знать своихъ прихожанъ. За всѣхъ онъ долженъ молиться, но иначе за грѣшниковъ, иначе за людей благочестивыхъ; одинъ больше нуждается въ молитвѣ, чѣмъ другой. Всѣхъ долженъ любить пастырь, но по различію характеровъ долженъ различаться родъ лю- бви и ея проявленія. Изъ этого видно, какъ необходимо пас- тырю изучать свою паству, и къ этому изученію онъ дол- женъ приступить тотчасъ же послѣ вступленія на долж- ность. Посѣщеніе начальственныхъ лицъ въ приходѣ, посѣ- щеніе сосѣднихъ пастырей, и наконецъ по возможности личное знакомство съ каждымъ изъ прихожанъ можетъ до- ставить ему обильный матеріалъ для изученія своей паствы. — Какъ велико число прихожанъ?—Это важнѣйшій вопросъ, ибо если новопоступающій пастырь знаетъ за сколькихъ душъ онъ долженъ отдать отчетъ, то заботы его не будутъ осла- бѣвать и ревность не будетъ охлаждать. — Каково современ- ное состояніе прихода? цвѣтущее или бѣдственное, много ли богатыхъ людей, съ посредственнымъ состояніемъ и совер- шенныхъ бѣдняковъ? Иныхъ пастырскихъ заботъ требуютъ богатые, иныхъ бѣдные, а иныхъ люди съ посредственнымъ состояніемъ.—Каковъ характеръ народа, тихій, мягкій, такъ что въ сердцѣ его доступъ скорѣе найдутъ истины утѣша- ющія, чѣмъ потрясающія? Или грубый и жесткій, такъ что спина его не легко сгибается? Соотвѣтственно характеру критянъ, ап. Павелъ давалъ особое наставленіе къ обхож- денію съ ними. »Изъ нихъ же самихъ одинъ стихотворецъ сказалъ: бритяне всегда лжецы, злые звѣри, утробы лѣни- выя. Свидѣтельство сіе справедливо. По сей причинѣ обли- чай ихъ строго, дабы они были здоровы въ вѣрѣ« (Тит.

1, 12). Каковы душевныя дарованія народа? Съ талантливыми нужно иначе поступать, чѣмъ съ малоспособными.— Каково до сего времени было обученіе народа въ вѣрѣ? Знаютъ ли прихожане основанія своей вѣры, или находятся въ невѣжествѣ?— Каковы господствующіе въ приходѣ пороки, пьянство, воровство, конокрадство, попрошайство? На сколько содержатели питейныхъ домовъ способствуютъ развращенію и обѣднѣнію народа? Сильно ли развито употребленіе непристойныхъ словъ?— Какъ происходятъ увеселенія молодежи, какъ совершаются сватьбы, крестины? Есть ли несчастные браки? Какъ совершается воспитаніе дѣтей, каково отношеніе хозяевъ къ своимъ слугамъ и слугъ къ хозяевамъ?— Есть ли расколучители, какъ происходитъ совращеніе въ расколъ, много ли совратившихся, не угрожаетъ ли кому ближайшая опасность совращенія въ расколъ?— Усердно ли посѣщается храмъ? Всѣ ли ежегодно исповѣдуются и приобщаются святыхъ таинъ?— Всѣ эти и подобныя вопросы пусть предложитъ себѣ пастырь и постарается по возможности рѣшить ихъ. Превосходное средство достигнуть знанія своихъ прихожанъ могутъ представить замѣтки его на »Исповѣдной Росписи«, особую копію которой пастырь можетъ имѣть у себя, и на ней противъ каждаго имени вписывать свои личныя наблюденія или полученныя свѣдѣнія касательно того или другаго лица въ приходѣ. Только нужно быть весьма осторожнымъ при собираніи свѣдѣній о прихожанахъ. Легко при этомъ попасть въ руки злословія и навлечь на себя незаслуженную ненависть. Знаніе прихожанъ не должно ограничиваться первымъ временемъ поступленія на приходъ; онъ долженъ замѣчать всякую переменъ въ приходѣ, не долженъ предаваться усыпленію, и быть *добрымъ* пастыремъ.

4. Новоприбывшій на приходъ священникъ не долженъ легковѣрно относиться къ тому, если нѣкоторые изъ прихожанъ станутъ говорить ему, что паства полюбила его.

Онъ долженъ знать, что нѣкоторые стараются поправиться. Ему изъ побужденій не совсѣмъ чистыхъ, что нѣкоторые иное думаютъ, чѣмъ говорятъ, что нѣкоторое, если онъ предложить имъ что-нибудь не правящееся другимъ, этими другими легко могутъ быть возбуждены противъ него. Многіе могутъ быть не расположены къ новому священнику только потому, что они были особенно привязаны къ прежнему священнику, или же потому, что другіе за него стоятъ. Не слѣдуетъ легко довѣрять всякому, и особенно въ началѣ священникъ долженъ быть весьма остороженъ въ своемъ довѣрїи. Особенно онъ долженъ опасаться тѣхъ, которые все въ немъ хвалятъ, предлагаютъ свои услуги, злословятъ его предшественника, или хвалятся особенною съ нимъ фамиліарностію, чернятъ другихъ прихожанъ и т. п. Такіе люди опасны.

Не пужно вдругъ, съ первой минуты вступленія на приходъ отмѣнять всѣ введенія, сдѣланныя предшественникомъ. На все есть время. Для необходимыхъ нововведеній будетъ также свое время. Не безъ вреда будетъ для предстоящаго времени пастырскаго служенія новопоступившаго священника, если въ началѣ онъ получитъ названіе нововводителя. Въ паствѣ можетъ возбудиться нерасположеніе, неудовольствіе къ нему. Пужно постепенно приготовить и располагать ее къ предстоящимъ нововведеніямъ и перемѣнамъ.

Не хорошо начинать пастырское служеніе угрозами и обличеніями, страхомъ суда и вѣчнаго мученія. Утѣшительныя истины вѣры, предлагаемыя съ истинною любовію, скорѣе расположатъ сердца прихожанъ къ новому пастырю. Если предшественникъ его соблюдалъ извѣстную послѣдовательность въ предметахъ проповѣди, то не слѣдуетъ безъ достаточнаго основанія удаляться отъ этого порядка.

Если есть въ приходѣ какіе-нибудь безпорядки, то нуж-

но развѣдать, что сдѣлано было противъ нихъ предшественникомъ, какія средства онъ употреблялъ, какія затрудненія его стѣсняли больше всего; словомъ, новому священнику весьма полезно привести въ ясность, какъ дотолѣ руководимъ былъ приходъ, потому что на основаніи этого онъ можетъ сдѣлать заключеніе, что теперь слѣдуетъ ему дѣлать, въ чемъ можно подражать и въ чемъ слѣдуетъ уклоняться отъ дѣйствій предшественника.

X. 0.

ДРЕВНЕ-ХРИСТИАНСКІЙ РЕЛИГИОЗНЫЙ СИМВОЛИЗМЪ ¹⁾).

Изъ всѣхъ изображеній птицъ, чаще всего встрѣчаются на древнихъ христіанскихъ памятникахъ и имѣютъ особенно-важное значеніе въ символикѣ христіанской древности изображенія 1) Голубя и 2) Пѣтуха.

1) Голубь.

Ни одинъ символъ не былъ въ такомъ употребленіи у первыхъ христіанъ и не воспроизводился ими такъ же часто, какъ символъ голубя: они дѣлали изображенія его на памятникахъ всякаго рода, въ живописи, мозаикахъ, на гробницахъ, лампахъ, кольцахъ, золоченыхъ, или росписанныхъ сосудахъ и т. п. Такое преимущественное употребленіе этого символа, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что голубь болѣе, чѣмъ всякое другое твореніе, былъ избранъ самимъ Богомъ для посредства въ великихъ таинствахъ Его милосердія: такъ во дни потопа голубь является предвѣстникомъ мира, *a primordio divinae pacis praeco*, говоритъ Тертуліанъ; голубь является, какъ символъ Св. Духа, надъ головою Іисуса Христа при Его крещеніи: *Christum columba demonstrare solita*, прибавляетъ тотъ же учитель Церкви.

¹⁾ См. № 23-й.

Мы видимъ также голубя на плечѣ, или надъ головою св. Григорія Великаго въ древнѣйшихъ его иконахъ, — это голубь, котораго называли *голубемъ вдохновителемъ*. Тоже, какъ символъ Св. Духа, золоченый голубь, согласно съ древнимъ обычаемъ, общимъ всемъ крестильнямъ, былъ повѣшенъ въ Рейнской базиликѣ во время крещенія Клодвига. Самъ Спаситель представлялъ голубя символомъ христіанскаго простодушія (Матѣ. 10, 16), и вся первоначальная Церковь считала его символическимъ выраженіемъ стыдливости, невинности, смиренія, кротости, любви, созерцанія и осторожности въ случаѣ вражескихъ козней.

На дискѣ одной древней лампы, недавно найденной на христіанскомъ кладбищѣ св. Катерины Чіузской изображенъ голубь, имѣющій надъ головою крестъ, а вѣрту масличную вѣтвь, напоминающую извѣстныя слова Тертуллиана о голубѣ — *divinae pacis praeco*. А при такомъ примѣрѣ не можетъ быть и тѣни сомнѣнія, что представленный съ двойнымъ атрибутомъ креста и оливковой вѣтви этотъ голубь былъ здѣсь символомъ Іисуса Христа, Который, по слову апостола Павла, *кровію креста своего умиротворилъ и небо и землю* (Колос. 1, 20). Этотъ драгоценный памятникъ, ученые полагаютъ, единственный въ этомъ родѣ, никакомъ, откуда онъ взятъ, восходитъ къ весьма глубокой древности.

Голубь употреблялся также для означенія апостоловъ, какъ символъ ихъ добродѣтелей. Св. Павлинъ свидѣтельствуетъ, что подъ этою эмблемою изображали апостоловъ въ его время, и въ томъ же значеніи надъ крестами представляли вѣнцы, изъ двѣнадцати голубей. Почти подобный этому, только немного новѣйшій, примѣръ даетъ мозаика базилики св. Климента римскаго, представляющая изображенія двѣнадцати голубей на всемъ протяженіи креста, которое занимаетъ тѣло Спасителя. Впрочемъ, кажется, по

представленію св. Павлина, голуби, изображенные надъ крестомъ, иногда значили и то, что Царство Божіе открыто для простодушныхъ.

Голубь иногда означалъ еще вѣрующихъ, напоминая или о добродѣтеляхъ, которыя они должны насадить въ себѣ, — или о крещеніи, которымъ они возрождены, какъ, напри- мѣръ, въ Равенской мозаикѣ 5-го вѣка, гдѣ изображены голуби, утоляющіе жажду въ источникѣ, — или о томъ божественномъ питіи Евхаристіи, которымъ они приобщаются, представленномъ на знаменитомъ саркофагѣ св. Амвросія въ Миланѣ посредствомъ изображенія чаши, въ которой пьютъ два голубя.

Голубь почитался, далѣе, символомъ мученика, какъ, напри- мѣръ, въ изображеніи Агнесы на золоченомъ сосудѣ, потому что онъ мистически представляетъ собою Св. Духа, Который даетъ христіанамъ твердость быть мученикомъ; — символомъ Церкви, символомъ воскресенія: такъ на одномъ надгробномъ титулѣ (titulus) Трирскомъ находятъ изображе- ніе двухъ голубей внизу слѣдующей надписи, которой они служатъ иносказательнымъ переводомъ: *Hic Amanciae Hospita caro jacet*; — символомъ супружеской вѣрности, когда на фризѣ нѣкоторыхъ двумѣстныхъ саркофаговъ, въ срединѣ которыхъ находятся изображенія двухъ супруговъ во весь ростъ, или въ видѣ бюста, представляются голуби клюю- щими плоды; — символомъ мира, особливо, когда голубь изоб- раженъ съ масличною вѣтвію во рту. Такъ два голубя, изображенные на ручкахъ простертаго креста, имѣвшаго надъ собою константиновское *labarum* (знамя), были, по мнѣнію нѣкоторыхъ толкователей христіанскихъ древно- стей, иносказательнымъ, или образнымъ выраженіемъ мира, даннаго Церкви Императоромъ Константиномъ.

Припоминая слова пророка Наума: *яко голубицы вор- ююще въ сердцахъ своихъ* (2, 7), первые христіане упо-

требляли иногда изображеніе голубя также для означенія скорби. Таково, по всей вѣроятности, значеніе голубей, изображенныхъ на одномъ древнемъ саркофагѣ сидящими на двухъ деревьяхъ, между которыми мать, въ положеніи молитвы и скорби, представлена плачущею о своемъ возлюбленномъ дитяти, похороненномъ въ этой гробницѣ.

Имѣя въ виду одно мѣсто св. Григорія въ его бесѣдахъ, можно считать изображенія голубей въ полетѣ еще *символомъ вознесенія Іисуса Христа*,—или, основываясь на извѣстныхъ словахъ Псалмопѣвца (Псал. 123, 7), *символомъ душъ мучениковъ и свръюущихъ*, осво бодившихся отъ узъ тѣла.

Мы имѣемъ примѣръ на то, что первые христіане самый призывъ души Божественнымъ женихомъ старались выразить почти такъ, какъ онъ выражается въ книгѣ Пѣсни Пѣсней (2, 10). Такъ, Макаріусъ описываетъ одну христіанскую печать, на которой въ срединѣ изображенъ голубь, а кругомъ его слѣдующая трогательная надпись: *veni si amas*. Поэтому, два голубя, держащіе во рту хлѣбныя зерна, считались символомъ души уже блаженной, наслаждающейся небесною пшеницею. Наконецъ, когда голубь изображенъ на гробницахъ, особенно, если изображенъ съ масличною вѣтвію во рту, то, по мнѣнію многихъ толкователей христіанскихъ древностей, напримѣръ Боттари, Муратори и въ послѣднее время де-Росси, онъ означалъ *миръ*, данный душѣ вѣрующаго и представлялъ въ этомъ отношеніи совершеннѣйшее тождество съ графическою формулою: *in pace*, столь обыкновенною на древнихъ христіанскихъ гробницахъ, такъ что его можно считать только образнымъ переводомъ означенной формулы, откуда объясняется, почему и тотъ и другая часто встрѣчаются вмѣстѣ на одномъ и томъ же надгробномъ камнѣ. Такое значеніе голубя совершенно подтверждается тою достопримѣчательною

надписью на известной мозаикѣ въ Ватиканскомъ музеѣ; въ которой голубь, изображенный съ масличною вѣтвью, сопровождается словомъ *пax* и — бромъ того еще свидѣтельствомъ блаженнаго Августина. Надобно замѣтить, что голубь одинъ не выражаетъ мира, но только душу умернаго, — знакомъ мира служитъ единственно масличная вѣтвь. И такъ голубь съ масличною вѣтвью во рту, изображенный на христіанскихъ гробницахъ, будетъ напоминать письменную формулу, столь часто на нихъ находящуюся: *spiritus in pace, spiritus tuus in pace*. Но въ этомъ отношеніи не останется и тѣни сомнѣнія, если къ эмблемѣ голубя присоединяется еще IXΘVN, символическое изображеніе Христа, и тогда упомянутая формула дополнится такимъ образомъ: *Spiritus tuus in pace et in Christo* — торжественное привѣтствіе, характеризующее христіанскіе надгробные камни самой древней эпохи.

2) Пѣтухъ.

Изображеніе пѣтуха на древнихъ христіанскихъ памятникахъ, разсматриваемое, какъ христіанскій символъ, имѣетъ нѣсколько значеній:

а) Пѣтухъ, изображенный на гробницахъ, напоминаетъ догматъ *будущаго воскресенія*. Известно, что въ числѣ символовъ воскресенія св. Елифаній поставляетъ восхожденіе солнца, а еще до него наша св. Климентъ говорилъ: *Dies et nox resurrectionem nobis declarant: cubat nox excurzit dies* ¹⁾. И такъ, если возвратъ солнца на горизонтъ есть образъ будущаго воскресенія нашихъ тѣлъ, то по совершенно-естественному сцѣпленію идей не слѣдуетъ ли, что пѣніе пѣтуха, предшествующее утренней зарѣ, которое дало поводъ дать этой птицѣ имя *praeco diei*, есть въ свою очередь символъ того всемогущаго голоса, кото-

¹⁾ Ер. ad. Cor. XXXIX. 2. «День и ночь указываютъ намъ на воскресеніе: ночь ложится, солнце встаетъ».

ВОСКРЕСНЫЯ БЕСѢДЫ ¹⁾.

Апрѣля 11. Среда Пасхальной недѣли. Объясняема была церковная пѣснь: *Во гробъ плотски, во адъ же съ душою, яко Богъ, въ раи же съ разбойникомъ* и пр. и говорено было между прочимъ о сошествіи Иисуса Христа во адъ, о цѣли его и послѣдствіяхъ. По поводу этого одинъ изъ ремесленниковъ спросилъ: Правда ли что я слыхалъ? Когда Иисусу Христу надобно было сходить во адъ, тогда напередъ посланы были отъ Бога два ангела. Вотъ они прилетѣли и сѣли на адѣ и говорятъ сатанѣ: отверзите двери, идетъ Царь славы. А сатана и спрашиваетъ: кто этотъ Царь славы? это не тотъ ли сынъ Маріи, что исхитилъ у меня Лазаря?—Ангелы говорятъ: Онъ и есть, Господь силъ.—Не пушу я Его, говоритъ сатана,—и сталъ еще пуще крѣпить адъ; но какъ онъ его ни крѣпилъ, ничто не помогло, ни двери, ни запоры. Пришелъ Христосъ, сломилъ мѣдныя двери и желѣзные запоры и изъ ада вывелъ души людей.

— Сказанное тобою во-первыхъ противно ученію слова Божія. Богъ есть Господь Вседержитель; въ Его рукъ и небо и земля и преисподняя, въ его власти и адъ. А въ томъ, что ты сказалъ, заключается та мысль, что адъ исключительно во власти сатаны и онъ въ немъ укрѣпляется, чтобы не пустить Бога, такъ что Иисусу Христу надобно было ломать двери и запоры. Во-вторыхъ—отзывается чувственнымъ представленіемъ объ адѣ. Ангелы-духи безплотные, а тутъ говорятъ: прилетѣли, сѣли, вели переговоры съ сатаной. Представленіе это—вымысль. Вотъ у раскольниковъ въ писаныхъ тетрадкахъ много есть этихъ вымысловъ и басенъ объ адѣ. Наприм. я читалъ въ ихъ цвѣтникахъ, что Господь сотворилъ подъ землею адъ мѣдянь, а въ немъ

1) См. № 24-й.

узы желѣзныя и врата мѣдныя и тартаръ, а во адѣ темницы мѣдныя и желѣзныя, а подъ адомъ тартаръ, а тартару и дна нѣтъ. Потомъ на адѣ Господь сотворилъ тьму столповъ желѣзныхъ и каменныхъ, а на каменныхъ столпахъ сотворилъ землю и песокъ, а на песку камень и нарече ему имя кремень. Очевидно, что и сказанная тобою ходячая легенда заимствована изъ этихъ же писанныхъ тетрадокъ. Въ словѣ Божиемъ ничего не открыто о сотвореніи ада; есть только одно выраженіе І. Христа, изъ котораго видно, что огонь вѣчный уготованъ діаволу и аггеломъ его, а когда этотъ огонь уготованъ и гдѣ,—это Богъ не благоволилъ открыть. Да еще въ посланіи апостола Петра адъ названъ темницей. Но замѣтьте, что это темница духовная, а не такая, какъ у насъ тюрьмы и темницы съ высокими стѣнами, съ крѣпкими дверями и запорами. У духовной темницы, т. е. у ада, нѣтъ такихъ дверей и запоровъ, какъ у земныхъ темницъ.

— А у райа есть ли двери? поется нынѣ: *отверзлъ еси намъ райскія двери.*

— Въ пѣсняхъ церковныхъ и аду приписываются запоры и заклепы. Конечно слыхали, нынѣ въ Пасху поютъ: *сншшелъ еси въ премсподняя земли и сокрушилъ еси веревъ вѣчныхъ, содержащія связанныя, Христе. Сокрушилъ веревъ, содержащія связанныя,* значить по-русски: сокрушилъ заклепы, запоры, содержащіе узниковъ. Но это говорится человѣкообразно, примѣнительно къ нашимъ понятіямъ, принаровительно къ нашему языку человѣческому. У насъ на землѣ тюрьмы и темницы съ дверями и запорами. Примѣнительно къ этому и примѣнительно къ нашимъ понятіямъ, въ пѣсняхъ церковныхъ духовная темница, или адъ, представляется на человѣческомъ языкѣ съ дверями и запорами, а для выраженія той мысли, что І. Христось чрезъ свое воскресеніе приобрѣлъ намъ вѣчное блаженство, сказано, что Онъ отверзъ райскія двери.

рый въ концѣ временъ подастъ знакъ къ великому пробужденію умершихъ (Іоан. 5, 28).

Теперь понятно, почему первые христіане на своихъ гробницахъ любили изображать образъ пѣтуха, — этотъ образъ служилъ для нихъ знакомъ надежды, однимъ изъ символовъ воскресенія. Такъ эпитафія Доната, открытая на кладбищѣ св. Агнесы представляетъ изображеніе пѣтуха въ соединеніи съ формулою *in pace*; эпитафія Константа, кромѣ этого, представляетъ еще пѣтуха предъ вазой, изъ которой произрастаютъ двѣ масляныхъ вѣтви. Въ музеѣ Фарнезскомъ въ Навиліи хранится одинъ надгробный камень нѣкотораго Леонарда, на которомъ вѣстѣ съ символомъ пѣтуха есть такая искаженная надпись: *Die. Bene. Re. . . .*, которую аббатъ Полидори возстановляетъ такимъ образомъ *ILLA. Die. Bene. Resurges*, — формула, для которой христіанскіе надгробные камни представляютъ много примѣровъ, — такова, между другими, надпись на надгробномъ титулѣ (*titulus*) двухъ супруговъ по имени *Catervius u Severina*, описанная въ сборникѣ Фабретти.

Кромѣ того, *Луи-Перре* представляетъ одинъ драгоценный камень, на которомъ выгравированъ пѣтухъ, сидящій на вѣтви, а надъ нимъ монограмма имени Христа. Не то ли хотѣли сказать этимъ, что въ тотъ великій день, возвѣщеніе о которомъ выражено символическимъ изображеніемъ пѣтуха, Христосъ будетъ судьей воскресшихъ людей?

б) Пѣтухъ считался въ христіанской древности такъ же символомъ *бдительности*. Поэтому съ самыхъ первыхъ временъ христіане усвоили обычай поставлять его изображение на верху кровли своихъ храмовъ, чтобы изобразить бдительность пастыря. Эта же самая идея бдительности объясняетъ и то, почему образъ добраго Пастыря, какъ извѣстно, столь часто представлялся въ вершинѣ арки или свода въ капеллахъ катакомбъ, и съ не менѣе очевиднымъ намѣ-

реніемъ на дискъ лампъ, которыя имѣли своимъ назначеніемъ освящать подземелья.

в) Есть классъ древнихъ христіанскихъ памятниковъ, именно-саркофаги, на которыхъ изображеніе пѣтуха часто соединяется съ образомъ св. апостола Петра: конечно, всѣмъ понятно, что здѣсь идетъ рѣчь о паденіи и раскаяніи этого апостола и что цѣль подобныхъ сюжетовъ клонилась къ тому, чтобы посредствомъ этого примѣра *предостеречь* вѣрующихъ равно *отъ надменности и отчаянія*.

г) Дно чашъ и нѣкоторые другіе памятники древне-христіанскаго искусства иногда представляютъ изображенія двухъ пѣтуховъ, которые подстрекуемы къ дракѣ двумя дѣтьми, имѣющими въ рукахъ пальмы. Понятно, что этотъ сюжетъ имѣетъ въ виду сказать, что пальма славы сохраняется для тѣхъ, которые мужественно ведутъ борьбу и выходятъ изъ нея побѣдителями.

д) По мнѣнію Евхера, пѣтухъ есть, далѣе, символъ *проповѣдниковъ*, которые, въ продолженіи тьмы настоящей жизни, возвѣщаютъ непреходимый свѣтъ жизни будущей. Этотъ отецъ намекаетъ на одно мѣсто въ книгѣ Іова, гдѣ говорится о разумѣ пѣтуха: *кто далъ пѣтуху разумъ,* — разумъ, которому долженъ подражать проповѣдникъ, въ изученіи тѣхъ обстоятельствъ, когда можно благовременно поднять и заставить слушать свой проповѣдническій голосъ. Ту же мысль выражаетъ и св. Григорій Великій.

е) Наконецъ, по мнѣнію Беды, пѣтухъ есть символъ *праведника*: > потому что, въ ночи этой жизни праведникъ получаетъ чрезъ вѣру разумѣніе и твердость, которыя заставляютъ его взывать къ Богу, да ускоритъ онъ зарю великаго дня: *emitte lucem tuam et veritatem tuam* (Псал. 42, 3).

что сдѣлаеть? Кто же ему помогаль? Діаволы что ли? они не стали бы помогать. Развѣ души людей, оставшихся въ адѣ? но имъ нужны руки, ноги, а ихъ нѣтъ; онѣ похоронены на землѣ и пстѣли. Гдѣ взяты матеріалы—камни, желѣзо и проч.? Тутъ есть еще прямое противорѣчіе. Соломонъ жилъ и умеръ до Рождества Христова за 980 лѣтъ и при жизни его построенъ былъ имъ храмъ въ Іерусалимѣ. Этотъ храмъ во время плѣна вавилонскаго разрушенъ. По возвращеніи изъ плѣна построенъ іудеями второй храмъ; но этотъ храмъ выстроенъ задолго (за 516 л.) до Р. Христова и существовалъ при Христѣ; стало быть существовалъ и тогда, когда Христосъ сходилъ во адъ. Въ Евангеліи и Дѣяніяхъ Апостольскихъ нерѣдко упоминается, что І. Христосъ и апостолы бывали въ этой церкви. А по вашей сказкѣ выходитъ, что Соломонъ началъ храмъ и достраивалъ его чрезъ долгое время послѣ своей смерти, именно уже послѣ сошествія Христа во адъ и послѣ воскресенія Его; построилъ его тогда, когда уже существовалъ второй храмъ. Сатана по этой баснѣ представляется какимъ-то почти всемогущимъ существомъ: выкидываетъ изъ ада огромную каменную церковь и творитъ чудо: церковь не изломалась, не распалась, камни не разлетѣлись, а какъ она стояла въ аду, такъ и на землѣ стала. Да просто толковать объ этой нелѣпицѣ не хочется: такъ она безсмысленна. Ужели вы этой сказкѣ вѣрите?

— Миѣ такъ что-то не вѣрится; ужъ видно, что-то не такъ, неладно; а что ты сдѣлаешь? толкуютъ люди!

— А я такъ вовсе не вѣрю; враки это! замѣтилъ другой.

— Враки же и есть, да и враки-то безтолковыя, безсмысленныя, пренелѣпныя.

Апрѣля 12. Четвергъ Пасхи. Вчера говорили мы объ адѣ. Я хочу спросить: есть ли нѣтъ среднее мѣсто между мукой и раемъ? У насъ часто говорятъ: «гдѣ

ужь мнѣ въ рай попасть! хоть бы муки — то избавиться и сподобиться быть между мукой и царствомъ небеснымъ. — Середины между раемъ и адомъ или средняго состоянія между мученіемъ и блаженствомъ нѣтъ. Вы конечно слышали въ Евангеліи, какъ Господь І. Христосъ описываетъ имѣющій быть всеобщій судъ: Господь раздѣлитъ всѣхъ на двое, праведниковъ поставитъ по правую руку своего престола, а грѣшниковъ по лѣвую, и потомъ скажетъ стоящимъ по правую руку: *приидите благословеннии Отца моего, наследуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія мира,* а стоящимъ на лѣвой рукѣ: *отидите отъ Мене проклятіи въ огонь вѣчный. И идутъ сии,* сказано въ Евангеліи, *въ муку вѣчную, а праведницы въ животъ вѣчный.* Видите ли, на двое только, а не на трое раздѣлены всѣ люди и Господь пошлетъ однихъ въ царствіе Божіе, а другихъ въ огонь вѣчный, и не скажетъ имъ: а вы оставайтесь между царствомъ небеснымъ и вѣчной мукой. И въ другомъ мѣстѣ Господь сказалъ, что умершіе оживутъ и *изыдутъ сотворшии благая въ воскресеніи живота, а сотворшии злая въ воскресеніи суда.* Опять указываются только два состоянія: жизнь и осужденіе, а третьяго состоянія нѣтъ. — Да какъ же на иныхъ дѣянiяхъ, что ставится въ паперти, пишутъ, что между раемъ и мукой стоятъ человекъ привязанный къ столбу, и надъ нимъ надпись: за блудъ лишенъ царствiа небеснаго, а за милосердіе избавленъ муки вѣчнаго ¹⁾.

— Да вѣдь эти картины страшнаго суда не слово Божіе, не

(1) Дѣйствительно на нѣкоторыхъ картинахъ страшнаго суда, находящихся на папертяхъ, изображается между раемъ и адомъ человекъ привязанный къ столбу, около него ангелъ держащій въ рукахъ хартію, на которой написано: » что всеу человеку стениши; милостыни твоя ради избавленъ еси муки вѣчнаго, а понеже не оставилъ еси блуда«. С. С. Павловъ и Н. Н. Удальцовъ

Мы въ мірѣ духовномъ не бывали и не знаемъ, что это такое за духовный міръ. Если бы Богу угодно было открыть намъ тайны духовнаго міра, то на нашемъ языкѣ для выраженія предметовъ этого міра и словъ бы не нашлось. Вотъ вы лишены зрѣнія!). Знаете ли вы, что такое свѣтъ, что такое цвѣтъ красный, алый, розовый, зеленый, голубой, синій и проч.? Одинъ изъ слѣпыхъ (солдатъ) сказалъ, что онъ лишился глазъ въ мужескомъ возрастѣ на военной службѣ и что помнитъ и представляетъ эти цвѣта; другіе двое сказали, что они лишились глазъ въ дѣтствѣ отъ оспы.

— Ну, знаете ли вы, что такое цвѣтъ голубой, синій, зеленый, желтый, красный? —

— Нѣтъ, не знаемъ никакого различія между ними.

— Знаете ли по крайней мѣрѣ, что такое свѣтъ? —

Одинъ: — И этого я первый незнаю: тепло только знаю, когда солнце грѣетъ. Другой: А у меня въ глазахъ въ ясный день что-то метлится, мелькаетъ и кажется будто не то, что ночью или въ пасмурный день.

— Вотъ если бы я сталъ толковать вамъ о цвѣтахъ, о различіи наприм. краснаго цвѣта отъ желтаго, то ни на какомъ человѣческомъ языкѣ не нашелъ бы словъ для разъясненія вамъ этого различія и вы бы меня не поняли, изъ моихъ словъ не узнали бы различія между краснымъ и желтымъ цвѣтомъ. Вы можете знать только то, что можно осознать, слышать; а что люди познаютъ посредствомъ однихъ глазъ, о томъ вы не можете имѣть понятія. Точно такъ же должны смотрѣть мы на себя, т. е. какъ на слѣпыхъ въ отношеніи къ познанію духовнаго міра. Намъ извѣстенъ только міръ чувственный, который мы познаемъ посредствомъ чувствъ; намъ извѣстны только земныя темницы. Поэтому-то на нашемъ языкѣ адъ представляется, какъ земная темница съ запорами и заклепами, а рай съ дверями.

На бесѣдѣ было трое слѣпыхъ.

— А что-то, помнится, сказано въ церковныхъ книгахъ: *Возмите врата князи ваша, читають за заутреней.*

— Эти слова заключаются въ псалмъ царя Давида: *Возмите врата князи ваша и возмимся врата вѣчная и увидетъ царь славы и проч.* По изъясненію нѣкоторыхъ толковниковъ, это пророчество о Христѣ, но не о сошествіи Его въ адъ, а о вознесеніи Его съ божественною плотію на небо.

Потомъ спрашивали: всехъ ли людей І. Христосъ вывелъ изъ ада? Сказано: не всехъ, а тѣхъ только, которые при жизни вѣровали въ обѣщаннаго Адаму, Аврааму, Давиду, Мессію Христа, а по смерти, находясь въ аду, ожидали Его пришествія.

— Говорять, что Соломона Господь не вывелъ изъ ада.

— Какъ такъ? за что же Онъ его тамъ оставилъ?

— Будто бы Господь сказалъ ему: ты мудръ; самъ догадаешься, какъ выйдти.

— Что же? какъ говорятъ? вышелъ онъ?

— Вышелъ; сталъ строить въ аду церковь, чтобы подняться по ней и выйдти изъ ада. Сатанѣ это было нелюбо. Онъ выгналъ Соломона и самую церковь выбросилъ. Этуто церковь послѣ того Соломонъ и достроилъ въ Іерусалимѣ.

Другой изъ слушателей дополнилъ: а я слыхалъ, что онъ въ аду ее достроилъ.

— Ну, это, скажу я вамъ, пренелѣзная басня и безсмыслица и небылица. Ужь я не говорю о томъ, что ничего подобнаго нѣтъ ни въ св. Писаніи, ни въ св. преданіи. Ясно, что это небылица, противная слову Божію. Тутъ есть безсмыслица. Посудите сами: Соломонъ былъ въ адѣ душою; какъ же одной своею душой онъ могъ строить каменную церковь? Чтобы строить церковь, надоруки, а руки-то его вмѣстѣ съ тѣломъ погребены были на землѣ. Потомъ какъ могъ онъ одинъ строить и достроить церковь? Одинъ

твореніе какого либо св. отца. Ихъ пишутъ иконописцы, простые, малограмотные люди. Либо вздумаетъ, самъ такъ написать, либо возьметъ съ какого нибудь стараго образца, и напишетъ. А священники не доглядятъ, не укажутъ, не исправятъ. Картины эти больше старинныя, писанныя лѣтъ за 60, за 70, за 100 до нынѣшняго времени; а тогда и священники-то были малоученые, малограмотные, знали кое-какъ катихизисъ, а священное писаніе малъ знали и толковать его не умѣли. Вотъ и нынѣ нѣкоторые изъ простолудиновъ думаютъ, что есть средина между раемъ и адомъ. Такъ же и въ старину и простолудины, а можетъ быть и неучившіеся священники такъ думали, да и помѣстили это неправославное вѣрованіе въ картину. Католики, что признаютъ папу римскаго главою церкви, тѣ признаютъ среднее состояніе, — огненное чистилище и вѣрятъ, что нѣкоторыя души очищаются въ этомъ огненномъ чистилищѣ отъ грѣховъ и потому входятъ въ рай. Но это ученіе наша православная церковь отвергаетъ.

— Растволкуй ты намъ *новое пиво*, что нынѣ поютъ, сказалъ другой.

— Пиво значитъ по-русски питіе. Въ одномъ мѣстѣ Евангелія тоже употребляется это слово; Иисусъ Христосъ сказалъ: *Кровь моя истинно есть пиво*, т. е. питіе. Такимъ образомъ *Приндите пиво пиемъ новое* выйдетъ по-русски такъ: Приндите, станемъ пить новое питіе.

— Такъ видно новымъ-то питіемъ здѣсь называется кровь Христова?

— Нѣтъ, здѣсь не то. Станемъ пить новое питіе; видно, было какое-то питіе старое. Какое же это прежнее питіе? Когда евреи были въ Синайской пустынѣ вблизи горы Хорива, у нихъ не было воды: въ пустынѣ ни рѣкъ, ни ручьевъ, ни ключей пѣтъ. Они стали роптать на Моисея. Моисей, по повелѣнію Божію, ударилъ своимъ жезломъ въ ска-

ду горы, въ камень,—и изъ него потекла вода. Евреи утолили свою жажду, напоили свой скоть и запаслись водою. Вотъ это и есть прежнее питіе, *отъ камене не плодна чудодѣемое*, т. е. чудесно изведенное изъ бесплоднаго камня. Какое же новое питіе? Въ той же пѣсни поется: *не тлѣнія источникъ изъ гроба одождивша Христа*, т. е. изъ гроба Христова, который произвелъ нетлѣнія источникъ. А все это по-русски будетъ значить вотъ что: станемъ пить новое питіе, не то, которое чудесно изведено было изъ неплоднаго камня для евреевъ въ пустынь, т. е. воду, но то, которое течетъ изъ гроба Христова (гробъ-то Христовъ былъ каменный же), а гробъ-то Христовъ произвелъ источникъ нетлѣнія, т. е. безсмертія. Стало быть новымъ питіемъ тутъ называется нетлѣніе, безсмертіе, вѣчная жизнь, которая дарована намъ смертію и воскресеніемъ Христовымъ и которая утоляетъ жажду нашего духа. Или короче сказать: утолимъ свою жажду не водою, которую пили евреи въ пустыни, а пріостекшимъ и дарованнымъ намъ отъ гроба Господня безсмертіемъ, или еще проще: будемъ жаждать безсмертія, будемъ стремиться къ вѣчной жизни.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Опытъ курса практическаго руководства для пастырей. Выпускъ 1-й. Часть первая. Кіевъ. 1870 ¹⁾.

Книга, заглавіе которой нами выписано, составлена изъ статей послѣдовательно печатавшихся въ нашемъ журналѣ подъ частными заглавіями, какъ напримѣръ, «пастырское служеніе въ православно-каѳолической церкви», «нравственныя достоинства и обязанности приходскихъ пастырей» и т. д. Частнѣйшее содержаніе ея, поэтому, постояннымъ читателямъ нашего журнала извѣстно. Представляя

¹⁾ Объявленіе смотр. въ 18 № «Рук. д. с. п.»

собою пока только «ще первый выпускъ, »Опытъ курса практическаго руководства для пастырей« заключаетъ въ себѣ, послѣ предварительныхъ понятій о пастырскомъ служеніи, установленіи его, цѣли, важности, трудности, отвѣтственности пастырства и рѣшенія вопроса о призваніи къ пастырскому служенію, обстоятельное изложеніе отличительныхъ качествъ и обязанностей приходскихъ пастырей въ отношеніи къ Богу, къ ближнимъ и къ самимъ себѣ. Очевидно, что это еще только одна теоретическая часть *практическаго* руководства для пастырей... Въ существѣ дѣла это часть науки, извѣстной подъ именемъ Пастырскаго Богословія. Въ слѣдующихъ выпускахъ встрѣтимся мы, какъ слѣдуетъ предполагать, съ частію собственно *практическаго руководства для пастырей*, гдѣ, кромѣ изложенія основныхъ законовъ іерархическаго устройства Церкви, имѣеть быть указано примѣненіе ихъ къ практикѣ отечественной Церкви. Нравственные качества и обязанности приходскихъ пастырей относятся къ числу тѣхъ требованій, которыя неизмѣнно остаются одними и тѣми же въ отношеніи къ пастырямъ. Наука обязана ихъ только, сообразно своей системѣ, такъ или иначе формулировать. Поэтому и въ предлагаемомъ выпускѣ, трактующемъ о нравственныхъ качествахъ приходскихъ пастырей, искать какой либо новой стороны даже въ развигіи предмета было бы едва ли умѣстно. Достаточно, если составитель выпуска представляетъ на видъ читателю положительныя требованія тѣхъ или другихъ нравственныхъ качествъ пастыря по разумѣнію слова Божія и ученію Церкви. Тѣмъ не менѣе, нельзя не сказать, что и этотъ отдѣлъ «курса практическаго руководства для пастырей» весьма важенъ какъ для воспитанниковъ семинарій, имѣющихъ учиться пастырству по этому *курсу*, такъ и для самихъ приходскихъ пастырей. Какъ ни странно ка-

жется, а нельзя утаить того замѣчательнаго въ мѣрѣ нравственныхъ, свободныхъ отношеній явленія, именно, что издѣсь изученіе, навыкъ имѣють важнее значеніе. Не изучивши нравственныхъ качествъ и обязанностей, пастырь, слѣдуя вообще требованіямъ нравственнаго долга, не вполне можетъ быть вѣрнымъ исполнителемъ нравственнаго долга собственно пастырскаго. И поэтому слѣдуетъ разсѣвать недоразумѣнія, дышущія самоувѣренностію, тѣхъ пастырей, которые всякія нравственныя наставленія, относящіяся къ нимъ, какъ пастырямъ, считаютъ чуть не оскорбительными для себя, и совершенно излишними. Особенно умѣтно напоминаніе этихъ пастырскихъ нравственныхъ качествъ и обязанностей тамъ, гдѣ онѣ нерѣдко упускаются изъ виду... Составитель *курса* умѣетъ излагать и общеизвѣстныя всѣмъ вещи и понятія такою сердечною и искреннею рѣчью, стараясь каждую мысль подтвердить живымъ историческимъ примѣромъ, что книга его, будучи въ сущности учебникомъ, прочтется съ особеннымъ интересомъ всякимъ пастыремъ, неохладѣвшимъ къ нравственнымъ требованіямъ своего долга. Если при чтеніи обозрѣваемой нами книги у иного изъ читателей явится раздумье о томъ, насколько его личное нравственное состояніе соотвѣтствуетъ излагаемымъ въ книгѣ нравственнымъ пастырскимъ требованіямъ, то и въ этомъ уже отношеніи книга принесетъ немалую услугу; потому что такое раздумье легко можетъ подвинуть къ нравственному исправленію и самоусовершенствованію нерадѣвшаго о своихъ нравственныхъ обязанностяхъ пастыря. Чѣмъ меньше въ настоящее время оказывается снисхожденія пастырскимъ нравственнымъ недостаткамъ и чѣмъ они дѣйствительно нетерпимы и неизвинительны въ пастырѣ душъ, тѣмъ болѣе имѣють значенія орудія и средства, служащія къ возбужденію нравственной силы отъ ея усыпленія. Между этими орудіями возбужденія умственнаго и нравственнаго, хорошія книги служатъ для пастыря чуть ли не важнѣйшими орудіями, и не пользоваться ими было бы не извинительнымъ дѣломъ, особенно когда есть къ тому полная возможность.

X. 0.